

УДК 903.24, 903.25

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.224.233>**АЛЕКСЕЕВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ (К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ
«АВИЛОВСКОГО» ТИПА НА НИЖНЕЙ И СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ)**

©2020 г. Н.А. Лифанов

В статье рассматривается погребальная обрядность и инвентарь захоронения, исследованного в 1975 г. в Саратовской области. Погребение относится к обладающему культурным своеобразием «авиловскому» типу памятников, распространённому в гуннское и постгуннское время на территории Нижнего и Среднего Поволжья. Автор приходит к выводу, что авиловский погребальный обряд отличается от других групп погребений постгуннского и раннетюркского времени значительным своеобразием. Погребения, совершенные по данному обряду, образовали компактный ареал в степях Нижней Волги. Датировка позднейших авиловских захоронений совпадает с временем начала активного распространения в степях Восточной Европы влияния Хазарского каганата. Автором поддерживается высказанная ранее гипотеза о вхождении носителей авиловского погребального обряда в состав хазарской этносоциальной общности.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, Среднее Поволжье, погребение, гуннское время, постгуннское время, «авиловский» тип памятников.

**ALEXEYEVKA BURIAL (CONCERNING THE MONUMENTS OF
"AVILOVO" TYPE ON THE LOWER AND MIDDLE VOLGA)**

N. A. Lifanov

The article addresses the burial rites and grave goods of a burial investigated in 1975 in the Saratov region. The burial belongs to the culturally original monuments of "Avilovo" type widely spread in the Hunnic and Post-Hunnic periods in the Lower and Middle Volga regions. The author comes to the conclusion that the Avilovo burial rite differs from that one of other groups of burials of the post-Hunnic and Early Turkic times by a significant peculiarity. Burials made according to this rite formed a compact area in the steppes of the Lower Volga. The dating of the later Avilovo burials coincides with the time of the beginning of the active spread of the influence of the Khazar Khaganate in the steppes of Eastern Europe. The author supports the hypothesis expressed earlier about the inclusion of the Avilovo burial rite carriers in the Khazar ethno-social community.

Keywords: archaeology, Lower Volga region, Middle Volga region, burial, Hunnic period, Post-Hunnic period, monuments of "Avilovo" type.

В 1975 г. в Хвалынском районе Саратовской области экспедицией Куйбышевского пединститута под руководством В.И. Пестриковой и С.А. Агапова¹ исследовался Алексеевский правобережный грунтовый могильник. Памятник расположен на высоком обрывистом берегу Волги, ежегодно разрушающемся Саратовским водохранилищем. Основной массив погребений на могильнике, по мнению автора исследований, близок фатьяновско-балановским материалам (Пестрикова, 1976, с. 9, 17). Объектом рассмотрения здесь является резко отличное от них погребение № 3 в раскопе I (рис. 2).

¹ Автор выражает глубокую признательность Валентине Ивановне и Сергею Александровичу за возможность опубликования материалов Алексеевского погребения, а также волгоградскому археологу Евгению Викторовичу Круглову за первичную информацию о нём.

Захоронение было обнаружено на глубине 1 м от уровня современной поверхности. Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 1,95×1,34 м и глубиной в материке 0,35 м была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. В заполнении ямы содержалось значительное количество древесных углей, наибольшая концентрация которых наблюдалась в северо-восточной ее части. Здесь на глубине 10–20 см от уровня материка отмечено большое скопление угля, отдельных кусков обожженного дерева, остатки плашек. В заполнении юго-западной части могилы была найдена круглая бусина из стекловидной массы желтоватого цвета (диаметр бусины – 1 см, диаметр отверстия – 2,5 см) (рис. 3: 1).

Скелет человека лежал вытянуто на спине вдоль северо-западной стенки могильной ямы, ориентирован головой на северо-восток. Руки были вытянуты вдоль тела, правая кисть

отсутствовала. Правая стопа также была отделена, ее кости располагались в 5–6 см справа от правой голени. Пяточные кости были плотно прижаты друг к другу.

На правой части груди погребенного лежал железный нож со следами деревянных ножен (длина лезвия – 11,5 см, максимальная ширина – 2 см, черешок ножа обломан) (рис. 3: 5). Нижние позвонки и верхняя часть копчика с передней стороны тела, а также нижняя часть тазовых костей с задней стороны были окрашены окислом железа, комок сильно окислившегося железа был обнаружен в тазовой впадине. Предположительно можно заключить, что пояс погребенного был декорирован железной гарнитурой, возможно, полосками железа.

Следы разложившегося железа в виде полосок (шириной около 2 см) были отмечены также на плюснах и пяточных костях. Полоски железа охватывали обе ноги, крепились к обуви бронзовыми заклепками – по три (две круглые и одна подпрямоугольная) на каждой ноге. Круглые заклепки (высота 6 мм) имели полусферическую головку (диаметр 4 мм, высота 2 мм) на круглой в сечении ножке (диаметр ок. 1 мм) (рис. 3: 2). Подпрямоугольные заклепки состояли из бронзовой пластинки (12–16×5,5 мм) с двумя отверстиями, в которые были вставлены бронзовые же штифты (высота 5 мм) (рис. 3: 3–4).

Слева от черепа были положены череп, шейные позвонки и кости ног с копытами животного (теленка?). В южном углу могилы располагались ориентированный мордой на северо-восток череп, а также шейные позвонки, два ребра, альчики, кость ноги и копыто быка (Пестрикова, 1976, с. 12–13).

Материалы Алексеевского погребения не дают возможности для его узкой датировки. Однако археологически зафиксированный погребальный обряд позволяет довольно точно определить его культурную принадлежность.

В 1990 г. Е.В. Кругловым было введено в научный оборот понятие памятников «авиловского» типа (Круглов, 1990, с. 46–50). Круг относящихся к нему комплексов, включая рассматриваемое здесь погребение на Алексеевском правобережном могильнике, составляет на сегодняшний день 11 объектов, главным образом с территориями Степного Поволжья (рис. 1): Авиловский 1/1² (Синицын, 1954, с. 226–228, 230–232, рис. 1–3), Борода-

евка (Боаро, урочище Рунталь) 9/5 (Синицын, 1947, с. 127–131, рис. 86, 88, таб. IX), Верхне-Погромное I 4/3 (Шилов, 1975, с. 56–58, рис. 43; Засецкая, 1968б, с. 35–36; Засецкая, 1994, с. 180, рис. 3 – 2; Степи Евразии, 1981, рис. 8 – 4), Коминтерн II п. 47³ (Казаков, 1998, с. 98, 100, 101, рис. 37), Ленинск 3/12 (Засецкая, 1968б, с. 36–38; Засецкая, 1994, с. 185–186, рис. 3 – 4; Степи Евразии, 1981, рис. 8 – 5), Покровск 36/2 (Засецкая, 1994, с. 181–182, рис. 3 – 1⁴; Степи Евразии, 1981, рис. 8 – 9), Политотдальское 1/1 (Смирнов, 1959, с. 303–304, 321–322, рис. 36 – 2), Преполовенка 6/2 (Васильева, 1979, с. 205–206, рис. 3), Таганский р. 1 п. 2 (Матвеев, Цыбин, 2004, с. 8–10, 28–29, рис. 6–7), Царев 66/2 (Круглов, 2005, рис. 4; Круглов, 2013, с. 100–106; Круглов, 2014, с. 201–208).

Данную общность памятников выделяет комплекс признаков, характерный для всех или подавляющего большинства входящих в неё захоронений:

1. Все захоронения – одиночные, ни в одном случае не составляют групп⁵.

2. Все совершены на высоких берегах надпойменных речных террас. Исключение – п. 2 р. 1 Таганского могильника, расположенное на возвышенности в пойме р. Битюг.

3. Сооружение специальных курганов для «авиловцев» нехарактерно (такое отмечено только в Авиловском): они предпочитали либо вовсе обходиться без них (Коминтерн, Таганский, Алексеевка), либо совершать погребения в насыпи более раннего времени (остальные 7 комплексов).

4. Тело погребенного укладывали ближе к западной стенке могилы (исключение – Царев, где оно размещено по осевой линии ямы).

5. Все погребённые укладывались головой в северный сектор. При этом в ориентировках четко выделяются два диапазона: северный – 348°–8° (Коминтерн, Царев, Таганский, Верхне-Погромное, Ленинск, Авиловский, Преполовенка) и северо-северо-восточный – 21°–45° (Политотдальское, Бородаевка, Покровск, Алексеевка), по всей вероятности, отражающие сезонные вариации.

3 Это погребение, наиболее северное из всех, расположено уже в лесостепной зоне.

4 В нумерации рисунков на данной странице допущены ошибки, перенесенные и в позднейшую публикацию (Казанский, Мастыкова, 2009, с. 117).

5 Включённое в состав Коминтерновского II могильника погребение № 47 расположено на значительном (180 м) расстоянии от остальных захоронений (Казаков, 1998, с. 98).

² Цифры означают номера курганов/погребений.

6. Сбоку от левой ноги погребённого расположены останки жертвенного животного: лошади (Авиловский, Бородаевка, Покровск, Верхне-Погромное, Таганский, Царев) или крупного рогатого скота (Политотдельское, Преполовенка, Ленинск, Коминтерн, Алексеевка), представляющие собой комплекс из конечностей и черепа, обращенного храпом к северу, т. е. в противоположную от человека сторону (вероятно – сложенную шкуру). Конские останки не сопровождаются деталями упряжи⁶: лошадь явно не воспринималась как верховая, что согласуется с «приравниванием» её к корове.

Ряд признаков погребальной обрядности, характеризующих «авиловские» захоронения, обладают большей вариабельностью и могут рассматриваться как факультативные:

7. Могильные ямы «авиловских» погребений в конструктивном отношении подразделяются на простые и сложные – со специально выделенной погребальной камерой и ступенькой (Авиловский, Бородаевка, Преполовенка, Покровск, Царев), на которой в этих случаях размещалась шкура жертвенного животного.

8. Положение тел большинства погребенных характеризуется, судя по положению головы и ребер, завалом на правый бок (Авиловский, Политотдельское, Бородаевка, Покровск, Коминтерн, Таганский, Верхне-Погромное), остальные лежат вытянуто на спине. В ряде случаев отмечена частичная комплектность частей скелета: отсутствовали левые кисти рук в Преполовенке, Покровске, Ленинске, Верхне-Погромном, Таганском, правые – в Политотдельском и Алексеевке. Это можно было бы объяснить естественными причинами либо утратой при расчистке, однако в погребении из Алексеевки отсутствие кисти руки специально оговорено авторами раскопок, там же кости правой стопы покойного были аккуратно размещены у его правой голени.

9. В четырех случаях зафиксированы деревянные гробы или носилки (Авиловский, Покровск, Ленинск, Царев).

10. Помимо шкуры жертвенного животного в «авиловские» могилы помещалась и заупокойная пища, представленная в одних случаях посудой: Ленинск (керамический и деревянный сосуды), Бородаевка (деревянное блюдо), в других – костями животных: овца – Царев, Ленинск, Покровск; коза – Преполовенка,

теленки – Алексеевка. Расположение пищи весьма устойчиво – в районе черепа погребенных, и лишь в одном случае (Покровск) – в ногах.

Для четверых «авиловцев» зафиксирована кольцевая деформация черепа (Коминтерн, Бородаевка, Политотдельское, Таганский). Антропологический тип погребенных, в тех случаях, когда он фиксировался, – монголоидный (Верхне-Погромное, Политотдельское, Таганский, Царев).

Сопровождающий погребенных инвентарь включает, с одной стороны, предметы вооружения (детали сложных луков и наконечники стрел в Авиловском, Цареве, Таганском) и конской упряжи (удила в Цареве и Таганском, седло в Бородаевке), а с другой – богатые наборы украшений, включавшие, помимо прочего, диадемы (в Ленинске, Покровске, Верхне-Погромном). Это позволяет констатировать наличие как мужских, так и женских «авиловских» захоронений.

Ареал распространения подавляющего большинства «авиловских» памятников строго соотносится с территорией степной зоны Поволжья, преимущественно на её левобережной части. Погребения «привязаны» к берегам крупных рек (Волги, Ахтубы, Хопра) и не обнаруживаются на водоразделах. Южнее, в зоне полупустынь они не зафиксированы вовсе, а единичные дальние «выплески» в лесостепь (Коминтерн, Таганский) лишь подчёркивают единство основного ареала. При этом из всего массива восточноевропейских захоронений с ориентировкой в северный сектор (Комар, 2013, таб. 11) в нижневолжской степи фиксируются лишь «авиловские».

Вопросы хронологии «авиловских» погребений остаются на сегодняшний день во многом спорными. Выделяя их как особый культурный тип погребальных памятников Нижнего Поволжья и датируя первоначально концом VII – началом IX вв.⁷, Е.В. Круглов сближал их с Ленинским, Покровским⁸ и Верхне-Погромненским⁹ комплексами, вклю-

⁷ Впоследствии точка зрения исследователя стала более взвешенной, и верхний предел существования «авиловских» памятников был ограничен им рубежом VII–VIII вв. (Круглов, 1992, с. 35).

⁸ До этого еще при публикации к. 1 Авиловского сопоставлял его с погребением из Покровска И.В. Синецын (Синецын, 1954, с. 227).

⁹ И.П. Засецкая объединяла два последних захоронения в единый тип на основании признаков погребальной обрядности, в т. ч. присутствия в могиле шкуры лошади (Засецкая, 1968а, с. 56, 58–59).

⁶ Исключение – Бородаевское погребение, где рядом с конскими костями было уложено седло.

чёнными во II и III культурно-стилистические группы (Амброз, 1971, с. 115–116, 119–120; Амброз, 1981, с. 13). Избежать хронологической лакуны при этом предполагалось через признание обосновывавшихся А.К. Амброзом их максимально поздних дат (Круглов, 1990, с. 48). На сегодняшний день новые материалы и хронологические разработки позволяют выстроить более логичную картину.

Так, наиболее ранними в рассматриваемой совокупности являются комплексы из Ленинска, Верхне-Погромного и Покровска, отнесённые И.П. Засецкой к концу IV – первой половине V вв. (Засецкая, 1968а, с. 54, 56; Засецкая, 1968б, с. 38; Засецкая, 1994, с. 112, 116–121, 129). На сегодняшний день эту позицию разделяют М.М. Казанский и А.В. Мастыкова (Казанский, Мастыкова, 2009, с. 116, 119, 120, 123), тогда как ревизовавший идеи И.П. Засецкой А.В. Комар отнёс к первой половине V в. только комплекс из Ленинска (группа С2), а два остальных – уже к первой половине следующего столетия (Комар, 2000, с. 21, 26, 44). К ещё более позднему периоду второй половины VI в. следует отнести погребение Царев 66/2 (Комар, 2008, с. 103–104; Скарбовенко, Лифанов, 2012, с. 52; Круглов, 2013, с. 107–108; Круглов, 2014, с. 209–211; Валиев, 2018, с. 216–217). Наличие остатков сложносоставных луков «тюрко-хазарской» конструкции в Авиловском и Таганском захоронениях позволяет датировать их уже серединой – второй половиной VII в. (Круглов, 1992, с. 35–36; Матвеев, Цыбин, 2004, с. 28–29; Круглов, 2005, с. 76; Круглов, 2007, с. 94; Скарбовенко, Лифанов, 2012, с. 54; Комар, 2013, таб. 11). К числу этих же наиболее поздних комплексов следует, вероятно, причислить и погребение из Бородаевки. Оно содержало хорошо сохранившееся деревянное седло, аналогичное по конструкции седлу из п. 2 к. 3 могильника Сивашовка в Северном Причерноморье, датируемого серединой – третьей четвертью VII в. (Максимов, 1956, с. 74, рис. 45; Комар, Кубышев, Орлов, 2006, рис. 24, 25, с. 293, 307).

Оценить место памятников «авиловского» типа среди древностей степного и лесостепного Поволжья гуннской и постгуннской эпох можно лишь путём сопоставления их с иными захоронениями, где имеется возможность фиксации черт погребальной обрядности.

В степном Поволжье фиксируется группа из четырёх кремаций (в к. 42 у с. Ровное, у с. Нижняя Добринка, в кк. 17 и 18 у г. Покровск)

и ингумации с обожжёнными предметами инвентаря (Владимировка 4/2). Первые два из них И.П. Засецкой были отнесены к первой хронологической группе (ХГЗ 1б) и датированы первой половиной V в., а остальные – к ХГЗ 2 (вторая половина этого столетия) (Засецкая, 1994, с. 113–114, 126, 130–131). А.В. Комаром все данные комплексы были отнесены к первой половине VI в., будучи ассоциированы с отступавшими на восток гуннами (Комар, 2000, с. 39–41).

Другая группа – ингумации с ориентировкой костяка на восток и северо-восток, отмеченные главным образом в степной зоне: Верхне-Погромное 1/12, Бережновка II 1/7 и 111/1, Иловатка 3/2 и Зиновьевка, но единично и в лесостепи – у с. Новосёлки и на Полянском III селище¹⁰ (Максимов, 1956, рис. 41 – 2; Засецкая, 1994, с. 181, 183–184, 186–187; Шилов, 1975, рис. 32 – 10, 35, с. 45–47; Синицын, 1959, рис. 34 – 1–2, рис. 35 – 1, с. 110; Синицын, 1960, рис. 39 – 12, 14, с. 106–107; Смирнов, 1959, рис. 5 – 6, рис. 7 – 1–10, с. 219–220; Амброз, 1981, рис. 8 – 10; Богачёв, 1998, с. 30–32; Казаков, Салугина, 2015, с. 35–37). В двух случаях (Бережновка 111/1 и Иловатка 3/2) могилы имели сложную конструкцию, погребённый помещался в подбое. Положение останков коня было достоверно зафиксировано лишь в Бережновке 111/1; по всей видимости, оно отражало вытянутую на ступеньке подбойной могилы параллельно человеку конскую шкуру: череп и передние ноги – у одного конца ямы, задние – у другого. Хронология этой серии погребений определяется в целом VII в.: наиболее ранние комплексы из Иловатки и Новосёлок – первой половиной, а остальные – серединой и второй половиной этого столетия¹¹. Появление данной группы захоронений связывается с распространением в Восточной Европе носителей погребальной обрядности «сивашовского» типа, в которых вытянутая на ступеньке подбойной могилы шкура коня – обычный элемент обряда. Ассоциация «сивашовцев» с кочевым населением раннего Хазарского каганата представляется сейчас вполне убедительной (Комар, 2006, с. 113–114, 118, 123–124; Комар, 2010,

¹⁰ Последнее захоронение в силу разрушенности отнесено к данной группе условно, исходя лишь из ориентировки могильной ямы.

¹¹ Захоронения с Полянского III селища и Верхне-Погромного 1/12 отнесены к последнему периоду на основании находок в них деталей «тюрко-хазарских» сложносоставных луков (Круглов, 2005, с. 75, рис. 35; Круглов, 2007, с. 96, рис. 9).

с. 174–175, рис. 6; Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 327, 371–373; Скарбовенко, Лифанов, 2012, с. 31–33).

Новосёлковское и Полянское погребения располагаются уже в Средневолжской лесостепи, в V–VII вв. занятой оседло-земледельческим массивом именьковской археологической культуры с погребальным обрядом в виде кремации на стороне (Матвеева, 2004, с. 3, 29). Ингумации на именьковской территории немногочисленны: помимо упомянутых, большая их часть относится к памятникам так называемого «коминтерновского» типа, объединяющего известные на сегодняшний день 16 погребальных комплексов с Ташкирменского, Коминтерновского II и Новославского II могильников, датируемых второй половиной VI в. (Старостин, 1994, с. 126–129; Казаков, 1996, с. 42–45; Казаков, 1998, с. 100, 110; Валиев, 2018, с. 214–217; Скарбовенко, Лифанов, 2012, с. 30–31). Их обрядность характеризуется положением умершего головой на север в значительных размеров прямоугольную могильную яму. В изножье покойного в 5 случаях располагался жертвенный комплекс из черепа и костей ног лошади.

При некоторых общих чертах как с «сивашовской», так и с «коминтерновской», «авиловская» погребальная обрядность, однако, серьёзно отлична от них в деталях. Так, в «коминтерновских» могилах никогда не сооружались ступеньки, но фиксируются отсутствующие в «авиловских» заплечики, а также ниши в торцевых стенках, куда помещались упомянутые жертвенные комплексы (в виде компактно сложенной шкуры лошади). Последние всегда располагаются перпендикулярно положению захороненного человека: конские черепа – храпом к западу или, единично, – к востоку. В трёх случаях из пяти (все – в Коминтерновском могильнике) на черепках находились украшения узды, а в зубах коней – удила.

С «сивашовской» же группой некоторые из «авиловских» погребений сближаются наличием подбоев и ориентировкой в северо-восточный сектор. Впрочем, подбой является слишком распространённым во времени и пространстве элементом конструкции могилы, чтобы счесть его культуродифференцирующим признаком. Диапазон ориентировок 20°–45° для обеих групп является столь же общим, сколь и маргинальным: в первой из них доминируют восточные азимуты (Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 360, рис. 50), во второй – северные. Конская шкура у «сивашовцев» всегда имитирует вытянутую параллельно захороненному человеку тушу животного (также нередкую у этого населения) (Круглов, 1992, с. 32) и никогда не представлена в сложенном виде.

Следует констатировать, что «авиловский» погребальный обряд на фоне других групп погребений постгуннского и раннетюрского времени характеризуется как своеобразным, более нигде не повторяющимся сочетанием признаков, так и компактным ареалом распространения, «привязанным» к степям Нижней Волги. Датировка позднейших «авиловских» захоронений временем начала активного распространения в восточноевропейских степях власти Хазарского каганата и отсутствие их в более поздний период конца VII – начала VIII вв. наводит на мысль о причине их исчезновения в степном Поволжье. Обнаружение же типично «авиловского» комплекса (п. 2 р. 1 Таганского могильника) на далёкой северо-западной окраине степи совместно с синхронным ему, по мнению авторов раскопок, погребением по «сивашовскому» обряду (п. 7 того же раскопа) (Матвеев, Цыбин, 2004, с. 28–29) предоставляет дополнительное обоснование предположению Е.В. Круглова о включении «авиловцев» в состав хазарской этносоциальной общности (Круглов, 1992, с. 35–36).

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 106–134.
- Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 10–23.
- Богачёв А.В. Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв.: учебное пособие к спецкурсу. Самара: СамГПУ, 1998. 108 с.
- Валиев Р.Р. Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры // Археология Евразийских степей. 2018. №1. С. 211–226.
- Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1979. С. 202–237.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: АО "Эллипс", 1994. 221 с.

Засецкая И.П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. 1968. №2. С. 52–62.

Засецкая И.П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. Вып. 10. / Отв. ред. М.И. Артамонов. Л.: Советский художник, 1968. С. 35–53.

Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 40–57.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П., Салугина Н.П. Полянское III селище (к проблеме освоения Закамья населением именьковской культуры) // Поволжская археология 2015. №4(14). С. 35–53.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Науч. ред. А.Г. Фурасев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.

Комар А.В. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 19–54.

Комар А.В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2010. С. 169–206.

Комар А.В. Кочевники восточноевропейских степей второй половины VI – первой половины VIII в. // Атлас Западного Тюркского каганата / А. Досымбаева, М. Жолдасбеков (рук. проекта). Астана: Service Press, 2013. С. 670–737.

Комар А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре булгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII вв. // Сугдейский сборник. Вып. III. / Отв. ред. Н.М. Куковальская. Киев-Судак: «Академперіодика», 2008. С. 87–117.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 7–244.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 245–374.

Круглов Е.В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья: Материалы Региональной научной конференции «Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема бургасов» (Пенза, 23-27 января 1992 г.) / Отв. ред. А.В. Расторопов. Пенза, 1992. С. 32–37.

Круглов Е.В. Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья: Материалы межобластной научной конференции «Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема бургасов» (Пенза, 23-27 января 1990 г.) / Отв. ред. А.В. Расторопов. Пенза, 1990. С. 46–50.

Круглов Е.В. Погребение горизонта Суханово (Большой Токмак – Суханово – Царёв) второй половины VI – начала VII века из Царёвского курганного могильника // НАВ. Вып. 13. / Отв. ред. А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонский. Волгоград: Изд-во «Издатель», 2013. С. 90–109.

Круглов Е.В. Погребение горизонта Суханово (Большой Токмак – Суханово – Царёв) 2-й пол. VI – нач. VII в. из Царёвского курганного могильника // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Хазарское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2014. С. 199–214.

Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 73–142.

Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени // Проблемы на прабългарската история и култура. 4-1. Сборник в памет на ст. н. с. 1 ст. д. и. н. Димитър Ил. Димитров. Докла-

ди от Петата международна среща по прабългарска история и археология (Варна, 22-24.04.2004 г.) / Отг. ред. Рашо Рашев. София: Национальный археологический институт с музеем при БАН, 2007. С. 91–124.

Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V-VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып.1. Археологический сборник. Саратов: Изд-во «Коммунист», 1956. С. 65–85.

Матвеев Ю.П., Цыбин М.В. Таганский грунтовой могильник. Воронеж: Воронежский ГУ, 2004. 78 с.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура: учебное пособие, 2-е издание, доп. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 168 с.

Пестрикова В.И. Отчет о разведках в Приволжском районе Куйбышевской области и работах в Хвалынском районе Саратовской области в 1975 году. Куйбышев, 1976 / Архив ИА РАН. Ф.Р-1. Д.№5847.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т.1 / МИА №60. / Отв.ред. Е.И.Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 39–205.

Синицын И.В. Археологические памятники в низовьях реки Иловли // Учёные записки Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского. 1954.Т. XXXIX. Выпуск исторический, С. 218–253.

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья / Учёные записки Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского. Т. XVII. Выпуск исторический. Саратов: Тип. № 1 Полиграфиздата, 1947. 134 с.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т. II / МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–168.

Скарбовенко В.А. Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1979. С. 164–173.

Скарбовенко В.А., Лифанов Н.А. Погребально-поминальные комплексы раннесредневековых кочевников из Восточного Приазовья (по материалам раскопок могильников Лебеди IV и Лебеди VIII в 1980 г.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып.IV. / Ред.-сост. М.М.Чореф. Севастополь–Тюмень: ТюмГУ, 2012. С. 22–46.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья. Т.1 / МИА №60. / Отв.ред. Е.И.Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 206–322.

Старостин П.Н. Ташкирменский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья / Вопросы археологии Татарстана. Вып. 1 / Отв.ред. П.Н.Старостин. Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова АНТ, 1994. С. 123–133.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. 208 с.

Информация об авторе:

Лифанов Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, Россия); liphanov@gmail.com

REFERENCES

- Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 106–134 (in Russian).
- Ambroz, A. K. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages). Series: Archaeology of the USSR* 18. Moscow: "Nauka" Publ., 10–23 (in Russian).
- Bogachev, A. V. 1998. *Kochevniki lesostepnogo Povolzh'ia V-VIII vv. (Nomads of the Forest-Steppe Volga Region in the 5th-8th cc.)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
- Valiev, R. R. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 211–226 (in Russian).
- Vasil'eva, I. N. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 202–237 (in Russian).
- Zasetskaia, I. P. 1994. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu (konets IV–V vv.) (Culture of Nomads of the South Russian Steppes in the Hunnic Period (late 4th –5th centuries))*. Saint Petersburg: "Ellips" Publ. (in Russian).
- Zasestkaya, I. P. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 52–62 (in Russian).

Zasestkaya, I. P. 1968. In Artamonov, M. I. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 10. Leningrad: "Sovetskii khudozhnik" Publ., 35–53 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1996. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 40–57 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 97–150 (in Russian).

Kazakov, E. P., Salugina, N. P. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 35–53 (in Russian).

Kazanskii, M. M., Mastykova, A. V. 2009. In Furas'ev, A. G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and the Danube)*. Saint-Petersburg: Faculty of philology and arts of Saint-Petersburg State University, 114–126 (in Russian).

Komar, A. V. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 19–54 (in Russian).

Komar, A. V. 2006. In Kukovalskaya, N. M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdey Collection)*. Kiev; Sudak: "Akademperiodika", 87–117 (in Russian).

Komar, A. V. 2010. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD)*. Samara: Ofort Publ., 169–206 (in Russian).

Komar, A. V. 2013. In Dosymbaeva, D., Zholdasbekov, M (eds.). *Atlas Zapadnogo Tyurkskogo kaganata (Atlas of the Western Turk Khaganate)*. Astana: "Service Press" Publ., 670–737 (in Russian).

Komar, A. V. 2006. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 7–244 (in Russian).

Komar, A. V., Kubyshev, A. I., Orlov, R. S. 2006. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 245–374 (in Russian).

Kruglov, E. V. 1992. In Rastoropov, A. V. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza, 32–37 (in Russian).

Kruglov, E. V. 1990. In Rastoropov, A. V. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza, 46–50 (in Russian).

Kruglov, E. V. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 73–142 (in Russian).

Kruglov, E. V. 2007. In Rashev, R. (ed.). *Problemi na prablgarskata i kultura (Issues of proto-Bulgarian history and culture)* 4-1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 91–124 (in Russian).

Kruglov, E. V. 2011. In Skripkin, A. S., Yablonsky, L. T. (eds.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 13. Volgograd: "Izdatel" Publ., 90–109 (in Russian).

Kruglov, E. V. 2014. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 12. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 199–214 (in Russian).

Maksimov, E. K. 1956. In *Trudy Saratovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia (Proceedings of the Saratov Regional Museum of Local Lore)* 1. Saratov: Saratov State University Publ., 65–85 (in Russian).

Matveev, Yu. P., Tsybin, M. B. 2004. *Taganskii gruntovyi mogil'nik (Tagansky Subsoil Burial Ground)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Matveeva, G. I. 2004. *Srednee Povolzh'e v IV–VII vv.: imen'kovskaia kul'tura (Middle Volga Region in the 4th – 7th cc.: Imenkovo Culture)*. Samara: Samara State University (in Russian).

Pestrikova, V. I. 1976. *Otchet o razvedkakh v Privolzhskom raione Kuybyshevskoi oblasti i rabotakh v Khalynskom raione Saratovskoi oblasti v 1975 godu (Report on Surveys in Privolzhsky District of Kuibyshev Region and the Activity in Khlvalynsky District of Saratov Oblast in 1975)*. Kuybyshev. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund R-1, no. 5847 (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1959. In Krupnov, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 39–205 (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1954. In *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.G. Chernyshevskogo. Vypusk istoricheskii (Scientific Bulletin of the Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. Vol. Historical)*. 39, 218–253 (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1954. *Arkheologicheskie raskopki na territorii Nizhnego Povolzh'ia (Archaeological Excavations in the Territory of the Lower Volga Region)*. *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.G. Chernyshevskogo. Vypusk istoricheskii (Scientific Bulletin of the Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. Vol. Historical)* 17. Saratov: Tip. № 1 Poligrafizdata Publ. (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1960. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–168 (in Russian).

Skarbovenko, V. A. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 164–173 (in Russian).

Skarbovenko, V. A., Lifanov, N. A. 2012. In Cheref, M. M. (ed.). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea)* V. Sevastopol; Tyumen: Tyumen State University, 22–46 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1959. In Krupnov, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 206–322 (in Russian).

Starostin, P. N. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Monuments of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 123–133 (in Russian).

Shilov, V. P. 1975. *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ia (Essays on the History of the Ancient Tribes of the Lower Volga Region)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Lifanov Nikolay A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev. Moskovskoye shosse Str., 34, Samara, 443086, Russian Federation; lifanov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

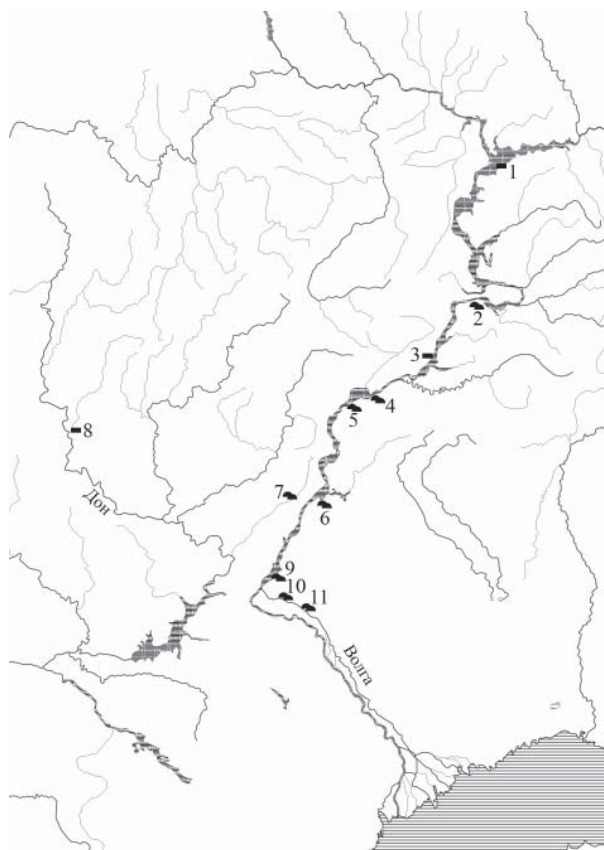

Рис. 1. Распространение памятников «авиловского» типа:

1 – Коминтерн II п. 47; 2 – Преполовенка 6/2; 3 – Алексеевка р. 1 п. 3; 4 – Бородаевка 9/5; 5 – Покровск 36/2; 6 – Политотдельское 1/1; 7 – Авиловский к. 1; 8 – Таганский р. 1 п. 2; 9 – Верхне-Погромное I 4/3; 10 – Ленинск 3/12; 11 – Царев 66/2

Fig. 1. Distribution of the “Avilovo” type of monuments: 1 – Komintern II burial 47; 2 – Prepolovenka 6/2; 3 – Alekseevka excavation 1 burial 3; 4 – Borodaevka 9/5; 5 – Pokrovsk 36/2; 6 – Politotdelskoe 1/1; 7 – Avilovsky barrow 1; 8 – Tagansky excavation 1, burial 2; 9 – Verkhne-Pogromnoye I 4/3; 10 – Leninsk 3/12; 11 – Tsarev 66/2

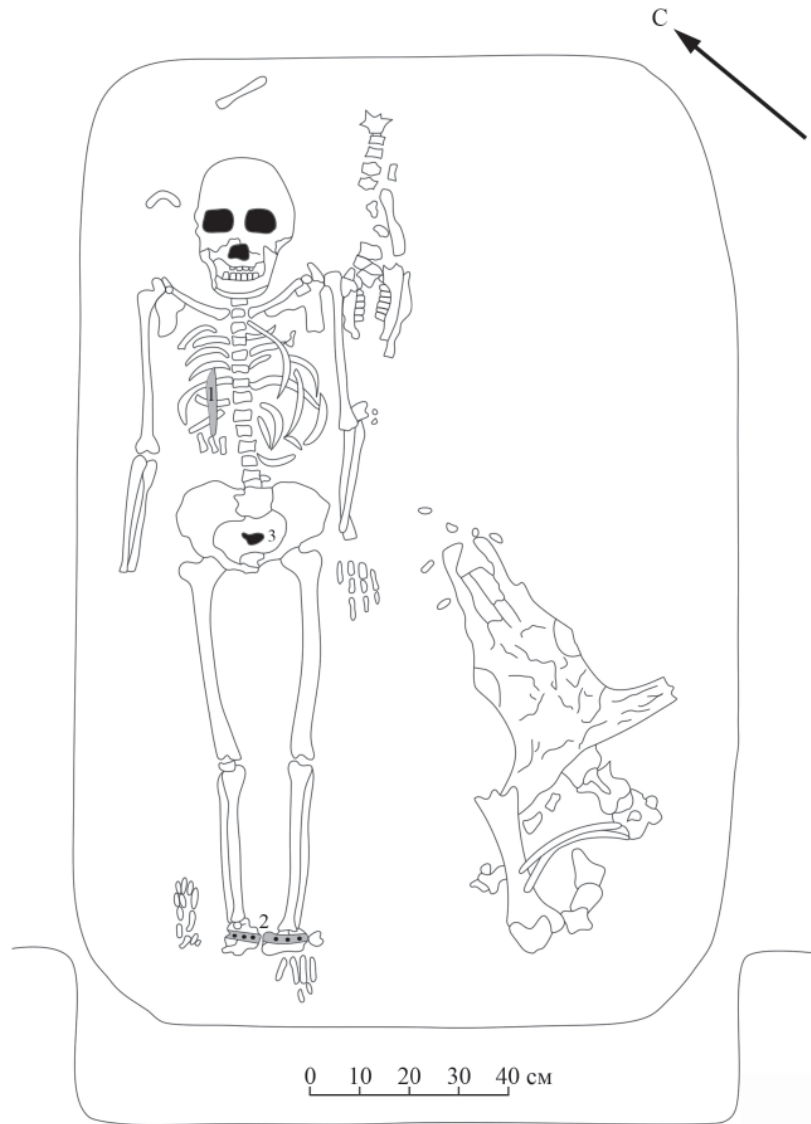

Рис. 2. Алексеевский правобережный грунтовый могильник, раскоп I, погребение № 3.

План: 1 – железный нож; 2 – железные полосы с заклёпками; 3 – фрагмент железа.

Fig. 2. Alekseevsky right-bank subsoil burial ground, excavation I, burial No. 3.
 Plan: 1 – iron knife; 2 – iron strips with rivets; 3 – iron fragment.

Рис. 3. Алексеевский правобережный грунтовый могильник, раскоп I, погребение № 3. Инвентарь: 1 – стеклянная бусина; 2 – круглые бронзовые заклёпки; 3-4 – прямоугольные бронзовые заклёпки; 5 – железный нож.

Fig. 3. Alekseevsky right-bank subsoil burial ground, excavation I, burial No. 3.

Inventory: 1 – glass bead; 2 – round bronze rivets; 3-4 – rectangular bronze rivets; 5 – iron knife.

